

ПЛАНЕТА БЕЗУМЦЕВ

ЗВЕЗДНЫЙ НАСЛЕДНИК

ИГОРЬ ГЕТМАНСКИЙ

Звездный наследник

Игорь Гетманский
Планета безумцев

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гетманский И.

Планета безумцев / И. Гетманский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Звездный наследник)

Плохо быть знаменитым и иметь доброе сердце. У Дэниела Рочерса, журналиста-межпланетника, есть и то и другое, а потому неприятности сыпятся на него как из рога изобилия. Не успел он отойти от недавней космической заварухи, как новое дело на подходе. Роковой обед в ресторане 'Королевство кривых зеркал' дает старт цепочке событий, где обвинение в десятке убийств, преследование загадочных оборотней-зомби и пара-тройка пуль в собственном теле — еще самое безобидное. Словом, Рочерс оказывается один на один с теми, в чьей власти уничтожить Землю, превратив ее в планету безумцев.

© Гетманский И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Гетманский

ПЛАНЕТА БЕЗУМЦЕВ

Глава 1

КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА

В ту минуту, когда ко мне подошел Томас Хаткинс, я читал статью о самом себе.

Сначала о статье. Плохо быть знаменитостью. Потому что о тебе пишут.

А калифом на час быть еще хуже. Потому что о тебе пишут торопливо, а значит, небрежно и с ошибками. То, что я стал публицистом года в рейтинге журналистов галактической квалификации, не дало мне ничего.

Совсем наоборот: давал я – бесчисленные интервью коллегам. Интервью, которые потом перевирались и комментировались так, что на лихого парня Дэниела Рочерса, то есть на меня, нападали приступы жесточайшей икоты по несколько раз в день и даже ночью.

Когда возле моего редакционного стола возник Хаткинс, я уже пять минут смотрел на одну газетную фразу. «Журналист Рочерс – тот человек, который не обращает внимания на пустяки...» Смотрел и пытался понять: как же это меня характеризует? Как тихого психа, как толстокожего громилу или как терпимейшего из святош? Чтобы ответить на вопрос, мне нужно было хотя бы бегло ознакомиться со списком пустяков, на которые я не обращаю внимания. Но списка такого автор статьи не давал...

– Вас можно побеспокоить, Дэниел?

Я поднял глаза и незаметно вздохнул. Томас Хаткинс, сотрудник отдела городских новостей. Как всегда – жалкий, виноватый и никому ненужный тип.

Мне было совершенно не до него. В комнате стояла ужасная духота, кондиционеры редакции не справлялись с полуденной жарой. Работа над очерком о снежных пустынях планеты Мороз в таких условиях, естественно, не шла. И Хаткинс никак не мог мне в этом затруднении помочь. Уж он-то – точно. Но если и есть пустяки, на которые я не обращаю внимания, то в их списке никогда не стояло слово «коллега».

Каким бы пустяковым человеком этот коллега ни был.

– Да-да, – я заставил себя приветливо улыбнуться Хаткинсу и выдвинул из-под стола свободный стул. – Садитесь!

Его настороженно-виноватый взгляд из-под стекол жалких кругленьких очков стал благодарно-виноватым, а кислая физиономия пожилого неудачника растянулась в робкой улыбке. Он сел на краешек стула и нервно потрогал засаленные лацканы потрепанного пиджака.

Я старался не смотреть на него. При виде Хаткинса я всегда испытывал непонятное неудобство. Наверно, это было что-то сродни чувству вины перед ним – за свое сравнительное благополучие и более молодые годы, за свой более высокий, нежели у Хаткинса, статус журналиста-межпланетника, за то, что у меня есть коронный удар правой, а он, наверно, и муху-то с себя достойно согнать не может... Ну, и так далее.

Хаткинс был самым невзрачным и самым неинтересным человеком в редакции.

И, видимо, прекрасно это понимал, потому что держался со всеми неизменно подобострастно и пугливо. Как будто опасался, что ему вот-вот смажут по физиономии. В «Галактик экспресс» к нему относились небрежно и почти с ним не разговаривали. Но только не я. Мне было его жалко.

И если мы сталкивались в коридоре или в курилке, я всегда первый приветливо улыбался ему.

– Чем могу быть полезен, мистер Хаткинс?

Пауза. Испуганное моргание из-под очечков. А потом:

– Вы не могли бы сегодня после работы отобедать со мной, сэр?

Я вылупил на него глаза. Вот это да! С какой-такой стати? Если бы ко мне подошел кто-нибудь из журналистов нашего отдела и предложил:

«Пропустим по маленькой после смены, а, Дэн?» – я бы не удивился. Но Хаткинс! Да еще в таком тоне! «Отобедать»!

Откуда эта вычурность?

Приглашение было произнесено четко и с явно старательно поставленной интонацией. Как хорошо отрепетированный кусок литературного текста.

Несомненно, Хаткинс долго готовился, чтобы высказать свою просьбу.

И, как ни удивительна она была, я вправил глаза на место и постарался больше ничем не выдать своего удивления.

А потом по непонятной ассоциации я вдруг подумал о своих личных делах. И сказал себе: а почему бы и нет, Дэн? Почему бы и нет? После того, как тебя оставила Лотта, видно, судьба – обедать с невзрачными коллегами и коротать вечера в прокуренных кафешках за бильярдом. Хотя бы некоторое время – в период восстановления после любовной болезни...

Воспоминание о Лотте сжало сердце ревностью и обидой, но я не позволил этим двум церберам завладеть собой. Они уже достаточно порезвились, их время прошло.

Время, которое лечит любые раны... Да.

Я снова посмотрел на Хаткинса. Уж с кем-кем, а с ним восстанавливаться мне совершенно не хотелось. Но...

Столь необычное, столь неестественное, столь напряженное приглашение...

По всему видно, робкому Хаткинсу оно далось нелегко. Дорогостояло.

И все-таки он заставил себя произнести отрепетированные слова.

– Что-то случилось, мистер Хаткинс? – осторожно спросил я.

Он смутился и опустил глаза:

– В общем... да. Если можно, не здесь, Дэниел...

Совершенно ясно, что я – единственный человек в редакции, к кому он счел возможным обратиться со своей заботой. Значит, моя сердобольность не прошла мимо его внимания. Ну, что ж, сказал я себе, посмотри на Хаткинса, на этого богом забытого человека, Дэниел, и возблаговари своего Господа за все, что он ниспослал тебе. Твои проблемы не стоят и выеденного яйца по сравнению с проблемами этого джентльмена. И ему нужна твоя помощь. Так плюнь на свою депрессию и помоги ему. Тем более, лучшее лекарство от хандры, как известно из лекций забытого старика Карнеги, – делать добро другим.

Очень хорошо. Сделаем добро Хаткинсу.

Я принял решение и сказал чересчур обрадованным тоном:

– Отобедать, говорите? Пара бифштексов под пару кружечек пива?

Согласен, мистер, в такую жару совсем не хочется запирать себя в душной квартире.

Он сразу же заулыбался серией жалких, виноватых, благодарных и смущенных улыбок и схватил меня за руку:

– Спасибо, Дэниел! В семь вечера я буду ждать вас в «Королевстве кривых зеркал»!

И исчез.

А я остался пребывать в состоянии легкого шока.

Ресторан «Королевство кривых зеркал» был самым фешенебельным рестораном мегаполиса. И в нем даже такой невинный ужин, как два бифштекса под две кружечки пива, должен был стоить Хаткинсу всей его месячной зарплаты.

На встречу с Хаткинсом я шел немного заинтригованный. Что мог поведать или о чем мог попросить меня этот человек? Перебирая в памяти то, что мне было о нем известно, я вдруг понял, что мне неизвестно почти ничего. В принципе, это было легко объяснить: Хаткинсом никто, в том числе и я, никогда не интересовался. А он о себе никогда ничего не рассказывал.

Вряд ли он был глуп. Глупостей от него я не слышал. Но вряд ли – умен. Ничего умного он не выдавал ни устно, ни письменно. Его серенькие заметки прятались в нижних строках последних полос «Галактик экспресс» и были столь же невзрачны, как и их автор. В оправдание его литературной безликости можно было сказать только то, что редакторские задания, выполняемые Хаткинсом, были невероятно скучны. Создать на основе добываемого им материала что-нибудь оригинальное было невозможно. Он брал интервью у членов Общества престарелых инвалидов, писал об отлове бродячих собак и посещал собрания Совета директоров мэрии. На Хаткинса свалили обязательную для центральной прессы мегаполиса, но невероятно скучную работу, и он безропотно выполнял ее.

И поэтому находился на самой нижней ступени иерархии сотрудников «Галактик экспресс». И среди асов нашего журналистского корпуса был изгоем.

Но его, судя по всему, такое положение вполне устраивало...

И это все, что я мог сказать о Хаткинсе.

Ровно в семь часов вечера я вступил в полутьму центрального зала «Королевства кривых зеркал». Я никогда не был в этом месте, и поэтому то, что предстало моим глазам, заставило растерянно заморгать. Меня окружало бесконечное пространство с бесконечной мешаниной желтых фонарей-торшеров, стоящих на бесчисленных сервированных столах. Я почти сразу сообразил, что все это – отражения ресторанный зала в гигантских зеркалах, покрывающих стены и потолок помещения. Я оглянулся на дверь, в которую вошел: она тоже была зеркальной. Все это великолепие смотрелось бы действительно великолепно, если бы не одна деталь. Зеркала были кривыми.

И воспроизвели облик зала и посетителей настолько безобразно, что отпадала всякая охота глядеть по сторонам.

Я сделал неуверенный шаг вперед, и с разных сторон ко мне бесшумно двинулись вышколенные официанты. Метрдотель подкрадывался вдоль стены слева. Его ужасное отражение надвинулось на меня и грозно зашевелило бесформенными ушами и носом-хоботом.

– Что за чертовщина! – пробормотал я. Огляделся и увидел Хаткинса: он сидел совсем недалеко справа от двери и приветливо махал рукой. Не дожидаясь, пока меня схватит ресторанная команда, я быстро подошел к столу и сел напротив коллеги.

– Ну и интервьюер! – сказал я, с осуждением вглядываясь в собственное зеркальное отражение за спиной Хаткинса. Оно являло собой безмерно исхудавшего типа с узкой полоской лба и не менее узкой и длинной нижней челюстью.

– Считаю, что посещение этого ресторана имеет большое психотерапевтическое значение, – мягко сказал Хаткинс. – Увидеть себя в несколько ином, неприглядном, облике и принять его – значит подсознательно согласиться с причудами судьбы. А это способствует снятию комплексов неполноценности. – Он обвел рукой блюда на столе. – Как вы заказывали, Дэниел. Бифштексы. Из молодых бычков. Так написано в меню. Пиво сейчас принесут.

Я с удивлением слушал Хаткинса. Он избавился от своей патологической виноватости. На его лице не было и тени смущения. Он вел себя спокойно и достойно. И его круглые очки на усталом лице теперь не казались ни нелепыми, ни жалкими.

– Я пошутил в редакции, – сказал я. – У меня сложные отношения со спиртным. Пиво будет уместно только безалкогольное.

Хаткинс немедленно подозвал официанта и передал ему мой заказ. Я открыл было рот, чтобы спросить о причине нашей встречи, но Хаткинс как будто прочел мои мысли.

– Вы голодны, Дэниел. Давайте приступим к трапезе. А потом я объясню вам... Все объясню.

Я кивнул и озадаченно впился зубами в сочный бифштекс. Хаткинс склонился над овощным салатом. Когда мы покончили с едой и я подносил к губам бокал с безалкогольным пивом, Хаткинс тихо спросил:

– Эта девушка, Дэниел, Лотта Ньюмен... Вы все еще думаете о ней?

Я чуть не выронил бокал и застыл с полуоткрытым ртом. Во мне боролись два сильных чувства. Во-первых, меня охватило дикое изумление от того, что Хаткинс – жалкий Хаткинс! – навязывает *такую* тему и задает наглые вопросы. А во-вторых, это изумление успешно перебарывало еще более дикое возмущение. Которое я тут же выразил словами.

– Слушайте, Хаткинс, – я поставил бокал на стол и почему-то взял в руки столовый нож. – Я не знаю, что там сплетничают обо мне в редакции, но если вы пригласили меня сюда, чтобы выяснить правдивость этих сплетен, то вполне можете схлопотать по лицу.

Пока я говорил эту длинную фразу, Хаткинс несколько не смутился, а только досадливо сморщился.

– Нет-нет, Дэниел, – ответил он, – конечно, я пригласил вас не для обсуждения ваших личных дел, боже упаси. Не для этого, поверьте мне. Я не с того начал... Просто я знаю, что это сейчас волнует вас больше всего, и кое-какая информация... Как помощь...

– Мне не нужна ничья помощь! – прервал его я. – Какого черта! По-моему, это вам нужна была помощь! И поэтому я здесь! Так давайте, вываливайте вашу проблему, и я пошел домой. Чем смогу – помогу. Все!

Он отвел глаза в сторону и задумчиво произнес:

– Я недооценил вас. Вы намного более самолюбивы, чем я думал.

– А вы намного бестактней, чем думал о вас я, – парировал я, проклиная себя за просто-душие. Надо же попасться на такую дешевую обманку! Пожалела мышка кошку! Репортер года, блестящий Дэниел Рочерс, проникся сочувствием к жалкому репортеришке Хаткинсу. А тот – тайный миллионер, каждый день обедающий в «Кривых зеркалах» и играющий от скуки в психологические игры с перевоплощениями. Да еще к тому же доморощенный душевед, который решил помочь несчастному Дэнни вернуть утерянную любовь! Тьфу, какая гадость!

– Ну, хорошо, – твердо сказал он. – Как хотите. Я начну с главного. А к этому вернемся потом...

– Ни черта мы не вернемся! – отчеканил я.

Он снял очки и улыбнулся:

– Вы не правы, Дэн. Я не миллионер и не такой идиот, каким вы меня представляете. А вот насчет перевоплощений вы угадали... – Он неторопливо протирал очки и теперь не смотрел на меня. – Я – не тот, за кого себя выдаю. И еще я умею читать мысли и получать информацию о любом человеке. И хотел вам это продемонстрировать на примере знания ваших отношений с Шарлоттой Ньюмен. Но если вам не нужны демонстрации...

Он действительно как будто прочел мои мысли! Но я не верил ни одному его слову, слишком часто я слышал подобные заверения. На одного журналиста в мегаполисе, наверно, приходится десяток сумасшедших «телепатов».

И все они лезут в редакцию давать интервью.

Неожиданно для себя я потерял нить разговора. И поэтому откинулся на спинку стула и закурил. О чем мы говорим? – спросил я себя.

И зачем я здесь? А, понял! Тихий невротик Томас Хаткинс, жестоко страдающий комплексом неполноценности, в период ремиссии тратит последние деньги на посещение феше-

небельного ресторана и вправляет там мозги очередному лоху. Тому, кто снизошел до общения с этим больным.

«Вы ошибались насчет меня, мистер. Жестоко ошибались. Я – не тот, а другой. Я – лучше всех. Читаю мысли, и все такое.

И если надо, я могу...»

Я бросил сигарету в тарелку и встал:

– Было очень приятно познакомиться, мистер Хаткинс. Узнать вас, так сказать, в иной ипостаси. Надеюсь, что завтра вам станет лучше, то есть хуже. То есть я хотел сказать, что вы станете самим собой.

А пока разрешите откланяться. Спасибо за ужин. Кстати, сколько я вам должен?

Я достал бумажник и с вежливой улыбкой застыл в ожидании ответа.

Томас Хаткинс не ответил на вопрос. Он сказал другое:

– *Я гений, сынок...*

Я вздрогнул при этих словах так, как будто меня хлестнули кнутом по спине.

– *Ты потом, может быть, поймешь это. А может быть, и нет.*

Поэтому я тебе это сам говорю, поверь своему отцу и запомни. Так же, как и то, что я всегда любил тебя. И скучал. Но не мог ничего поделать.

Прости.

Это были голос и слова моего отца. Умиравшего у меня на руках отца – там, в заснеженной тайге, тысячи лет назад и за тысячи миль отсюда.

Нас тогда было двое, никого не было рядом с нами и не могло быть, только мы – я и мой умирающий отец, он действительно был гений, он говорил мне тогда чистую правду...

Я медленно обошел стол и скомкал галстук Хаткинса в кулаке. И замер в ступоре, потому что он заговорил другим голосом:

– *Он очень любил тебя. И тосковал без тебя в тайге – все годы нашей работы, Дэн. Все эти мерзлые, страшные, счастливые и невыносимые, мать их, годы. Тосковал так, как, наверно, не мог этого делать ни один отец в мире.*

Голос Джеймса Уокера – единственного соратника отца, который сопровождал Рочерса-старшего во всех безумных предприятиях гения и в конце концов разделил его участь – умер... Видеокассета с записью его последнего обращения ко мне хранилась в депозитном сейфе банка. Никто и никогда, кроме меня, не просматривал ее. И не слышал тех слов, которые сейчас произнес Хаткинс. Треклятый Хаткинс!

Я отпустил галстук и стянул ворот на его шее.

– Замолчи!

Он смотрел на меня налитыми кровью слезящимися глазами и натужно улыбался.

А потом прохрипел:

– Вам достаточно доказательств?

Я отпустил его, кровь отхлынула от его лица, и он тут же сипло закашлялся и принялся растирать шею. Мое бешенство внезапно испарилось, остались только растерянность и боль. Та, казалось бы, навсегда ушедшая боль от невозвратимой потери. Потери навсегда.

Я отвернулся от Хаткинса, сел на свое место и снова закурил. Он привел себя в порядок и сидел, не глядя на меня. Я больше уже не мог строить всевозможные гипотезы насчет личности Хаткинса. Он сбил меня с ног. Здорово сбил. Голоса отца и дяди Уокера все еще перекликались у меня в голове. И я не мог найти объяснения феномену, свидетелем которого только что был.

Мне не оставалось ничего иного, как выслушать все, что Хаткинс считает нужным сказать.

– Кто вы такой? – устало спросил я. – И что вам от меня нужно?

– Давайте я начну сначала, – тихо и хрипло ответил он, все еще рефлекторно держась за горло. – Тогда, бог даст, мы все-таки дойдем до самых нужных вещей... – Он потер лоб, надел очки и спросил:

– Вы знаете что-нибудь о сто тридцатой экспедиции разведчиков Дальнего космоса?

Ничего себе переходы! От чтения мыслей до обсуждения разведки Дальнего космоса! Интересная у нас складывалась беседа!

– Нет, не знаю, – ответил я. – О первых десяти еще кое-что мог бы рассказать. Это история Великого Начала. А о сто тридцатой – увольте...

– Она состоялась пятнадцать лет назад. В ней участвовало девятнадцать человек. Капитаном корабля был офицер космического флота Земной Системы Томас Брайтер. Вот его фотография.

Он положил передо мной небольшой фотоснимок. На нем был изображен молодой человек с крепким, выдвинутым вперед подбородком и уверенным взглядом глубоко запавших серых глаз. Вряд ли его лицо можно было назвать приятным. Но выразительным – несомненно. Целеустремленность и воля – вот что было написано на этом лице.

Я недоуменно посмотрел на Хаткинса:

– И что?

– Это я. Полтора десятка лет назад.

На меня опять накатила волна раздражения. Я не очень хороший физиономист, но мне и не требовалось быть им, чтобы уличить Хаткинса во лжи.

– Знаете, – сказал я, – что-то подобное я и предполагал услышать. Но ведь это бред. Вы в нормальное, не кривое, зеркало когда-нибудь гляделись? Или смотрели на свое отражение только в стенах этого зала?

Если так, то я вам помогу увидеть себя, как вы есть. У вас маленький и скошенный назад подбородок безвольного нытика. Небольшие, глупые, чуть навывкате глаза. Узкий лоб дегенерата. Курносый нос простака.

Если этот офицер на фотографии и вы – одно лицо, то тогда какая разница между Квазимодо и капитаном Фебом де Шатопером?

Хаткинс не обиделся.

– Дослушайте до конца, и все поймете, – сказал он.

– Валяйте, – насмешливо ответил я.

– Мы направлялись в созвездие Тукана, – ровно заговорил Хаткинс. – Нашей задачей было первичное исследование одного из спутников Галактики, Малого Магелланова облака. Если, конечно, можно назвать исследованием то, чем занимаются космические разведчики, – с усмешкой заметил он. – Хаотичные гиперпространственные рейды наугад в любых направлениях, слепой поиск и посещение планет, дающих хотя бы намек на наличие разумной жизни, – ведь это просто болтание в неизвестности. И ничего более. Не правда ли?

– Трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет, – согласился я. Слова древнего китайца-философа были заказной шуточкой разведчиков, я знал их потому, что как-то брал у одного из них интервью. А знал ли эту шутку Хаткинс?

– Вот-вот! – засмеялся он и даже покраснел от удовольствия.

– Мы тоже так говорили!

Я все равно не верил ему. Хотя и отметил компетентную терминологичность его речи. О созвездии Тукана я, например, имел очень смутное представление.

И не знал, как толковать выражение «спутники Галактики».

А он уложил все эти понятия в одну фразу. Но это никак не доказывало то, что Хаткинс – космический разведчик Томас Брайтер. Мой визави вполне мог полистать учебник астрономии перед тем, как пудрить мне мозги.

– Так вот, нам не повезло с самого начала, – продолжал он. – Мы даже не успели приступить к поиску этой самой черной кошки. Через неделю после первого нырка в гиперпространство мы, как водится, вышли в реальный Космос. Такие понедельные выходы – необходимость. Длительное непрерывное пребывание в гиперпространстве незаметно сводит людей с ума. Вы знаете это?

– Знаю, – кратко ответил я. И больше ничего не сказал.

Мне нечего было сказать: Хаткинс грамотно излагал положение вещей.

– Мы оказались в 15 тысячах световых лет от Земли, но это не суть важно. А если важно, то только потому, что мы влетели в очень малоисследованный сектор Галактики. Навигационных карт для него не существовало, и поэтому наш корабль материализовался в поле нейтронной звезды.

– Что-о? – с изумлением протянул я. И отметил, что отреагировал так, как будто уже верил в то, что его рассказ – правда, а не байка.

– И настолько близко от нее, что вырваться из лап гравитации было невозможно.

Нейтронная звезда! Путешествуя по Галактике в своем маленьком частном звездолете, я всегда думал об одном – не попадусь ли я в сети одной из этих невидимок при выходе из гиперпространства. Дело в том, что черные карлики – так еще называют нейтронные звезды – имеют диаметр всего десять километров, и большинство из них не излучают – ни в световом, ни в рентгеновском спектре, ни в спектре радиоволн.

А весят они в полтора раза больше нашего Солнца. Их гравитация опасна для корабля настолько же, насколько и поле притяжения любой звезды в Галактике. Но в отличие от «нормальных» светил они практически невидимы, обнаружить с Земли их очень трудно. Естественно, в навигационных картах космопилотов обозначены только некоторые из них. Остальные – ловушки для тех, кто рискнул уйти с проторенных космических путей.

Корабли разведчиков, выходя из гиперпространства, учитывали все, кроме двух факторов, – наличия в опасной близости от себя нейтронных звезд и черных дыр. О последних вообще не хочется говорить, настолько они загадочны и страшны. Достаточно упомянуть, что они образуются из нейтронных звезд и представляют собой ту же самую опасность – невидимую гравитационную ловушку.

– И как вам удалось выбраться? – спросил я.

– В этом-то и соль истории. Мы не выбрались. И стали падать на звезду. Как вы знаете, уйти в гиперпространство мы не могли: в гравитационном поле такой силы это невозможно. Мы включили двигатели на полную мощность, но когда перегрузки достигли 14G... Знаете, умирать размазанным по спинке пилотского кресла как-то неэстетично. Лучше уж грохнуться на звезду... В общем, мы выключили двигатели. И понеслись навстречу смерти.

Хаткинс опять снял очки и стал протирать их салфеткой. Было видно, что он сильно взволнован. Я тихо спросил:

– А дальше?

Он поднял голову и подслеповато сощурился, глядя на меня. Взгляд его был растерянным.

– Я не помню... – пожал он плечами. – То есть не помню сам факт нашего спасения. Моим последним ощущением перед тем, как я потерял сознание, было полное равнодушие ко всему и... темнота.

А потом я нашел себя на своем обычном месте, в командирском кресле.

Мы находились в гиперпространстве и летели к Земле. И я точно знал, что с нами произошло и что мне надо делать. Наш корабль вырвался из поля нейтронной звезды, знал я, но при этом потерял столько топлива, что ни о каких перемещениях и маневрах в реальном пространстве речи быть не может. Единственное, на что мы могли рассчитывать, – это на

безопасное приземление в том месте, откуда стартовали. Я знал, что уже послал радиосообщение на Землю. Нас ждали.

– А остальные члены экипажа?

– Они были в полном порядке. И знали то же, что и я.

– И вы не подвергали критике это знание?

– Нет.

– Но вы же помнили, как выключили двигатели и падали на звезду?

– Нет, – ответил Хаткинс. – Я не помнил этого.

И они тоже.

Я отхлебнул пива из бокала, не сводя с него глаз.

– Тогда я вас не понимаю. У вас отшибло память, а двадцать лет спустя она вернулась?

Хаткинс приблизил ко мне лицо, взял из моей руки бокал и поставил его на стол. А потом сказал:

– Те, кто вырвал наш корабль из поля гравитации и послал его обратно на Землю, вложили в нас *такую* память и *такое* знание, которые им были нужны. Но они не учли одной вещи.

Я подался назад. Он говорил с необычной силой, его слова врезались в меня и окончательно разбивали и мою подозрительность, и неверие, и скепсис.

– Какой вещи? – автоматически спросил я. Хотя сначала надо было бы спросить, кого он подразумевает под словом «те».

– Старая память просыпается перед смертью, молодой человек, – медленно ответил он. – Во всяком случае, со мной это происходит именно так.

Он замолчал и посмотрел на меня требовательно. В упор. Как бы тестируя мою реакцию на адекватное соответствие сказанному. Наверно, он имел право делать это, если говорил правду. Я не выдержал его взгляд и отвел глаза.

– О чьей смерти вы говорите? – спросил я, чтобы хоть что-то сказать.

– Разумеется, о своей. Эти твари искалечили мою жизнь, отняли тело и сократили мой срок донельзя. Мне всего лишь сорок восемь лет, а я знаю, что сдохну в ближайшие семьдесят два часа. – Он залпом допил свое пиво и нервно махнул рукой официанту. Тот подошел и принял от Хаткинса заказ на бутылку виски.

– Не слишком ли круто для одного? – спросил я. Меня совершенно не радовала перспектива беседовать с пьяным Хаткинсом. Я почти поверил в правдивость его трагической повести. И чтобы поверить окончательно, мне нужны были подробности и детали. А как мы знаем, именно детали для пьяного представляют особую сложность... И еще: как бы там ни было, теперь я хотел дослушать Хаткинса до конца. И узнать, о чем он хотел меня попросить.

– Одна бутылка – ерунда, – ответил он. И пока официант ходил за виски, сидел молча и мрачно насупившись. Я не тревожил его, по опыту зная, что если человек решил выпить и вести беседу под спиртное, то до первого возлияния будет упорно держать паузу.

Когда Хаткинс опрокинул в себя первую рюмку, я сказал:

– Вы добились своего, Томас, заинтриговали меня. Если то, о чем вы рассказываете, действительно имело место, то... Знаете что, давайте все по порядку.

Он криво усмехнулся и сказал:

– То, ради чего мы, собственно, и собрались. Чтобы я рассказал все по порядку. А вы слушали и не задавали глупых вопросов.

Я смолчал. Он влил в себя еще виски, придвинул ближе тарелку с закусками, но есть не стал. Потому что сосредоточенно морщил и потирал лоб, как бы вспоминая нечто важное.

– Я не знаю, – наконец сказал он. – Не знаю, кто эти существа, которым я обязан своим спасением и трагедией своей жизни.

Но я знаю, что они – твари. Потому что они сделали со всеми нами, со всем экипажем, такое... – Он шмыгнул покрасневшим от алкоголя носом. – Смерть на нейтронной звезде была бы лучшим исходом.

Он помутневшим взглядом посмотрел на початую бутылку виски.

– Рассказывайте, – попросил я и отодвинул бутылку. Он не стал возражать.

– Я буду говорить о себе, потому что ничего не знаю о других восемнадцати. Я чувствую присутствие на Земле четырнадцати человек из них. Эти четырнадцать живы и действуют заодно со мной. Но где и как – сказать не могу... В общем, наши спасители заложили в меня целую жизненную программу. Как только корабль оказался на Центральном космодроме и экипаж сошел на землю, я подал в отставку. Пока же ожидал приказа, продолжал работать и вести себя как обычно. Свое решение об уходе из космопилотов объяснял стрессом от встречи с нейтронной звездой. Говорил, что хочу заняться фермерством. На осуждение или насмешливые подначки коллег не отвечал. А когда пришел приказ об отставке, собрал вещи и улетел на другой материк.

Так началась моя жизнь земного странника. Я переезжал из страны в страну, с материка на материк, с острова на остров, из отеля в отель.

Снимал дома и квартиры, подолгу жил в них и везде вел себя как беспечный и очень недалекий турист. Я часто возвращался в те же места, где уже бывал. Теперь я понимаю, что петлял, как заяц, запутывая следы, сбивая с толку возможных соглядатаев. Шпионов, которых, конечно же, не было. Кому нужен испуганный отставник, коротающий жизнь в бессмысленных путешествиях?

Прошло два года. Я не задавал себе вопросов о смысле жизни, о цели своих предприятий. Мне не было скучно. Радости я тоже особой не испытывал.

Ни от чего. Казалось, времени для меня не существовало. Молодой, полный сил, прекрасно образованный человек – я жил, как растение. Когда у меня кончались деньги, я находил способ их заработать. Лишь для того, чтобы продолжать выполнение заложенной в меня программы. Но однажды я почувствовал, что этой жизни пришел конец. И в тот же день встретил Томаса Хаткинса.

– Хаткинса? – переспросил я, думая, что он ошибся. – Вы назвали свое имя.

– Нет, – покачал головой Хаткинс. – Вы запомнили, сэр. Мое имя – Томас Брайтер. А Хаткинс перестал существовать тринадцать лет назад. – Он налил себе виски и опрокинул в себя две рюмки подряд. Взгляд его замутился еще больше, мятое лицо покрылось красными пятнами. Он пожевал корочку хлеба, наклонился ко мне через стол и доверительно прохрипел:

– Я убил его, Рочерс. Слышите? Убил!

Мне еще не доводилось слушать подобные признания. И поэтому стало немного жутко. Но в том, что он поведал мне, было что-то такое... нелогичное. Я отстранился и стал усиленно соображать. А потом презрительно рассмеялся и сказал:

– Не говорите ерунды, Хаткинс! Если вы убили того человека с целью взять его имя и завладеть документами, то ведь на Земле это абсурд! Документы почти ничего не значат. За тринадцать лет вас тысячи раз идентифицировали в различных местах по папиллярным линиям рук и ног, структуре волос и ногтей, форме ушных раковин и зубов. Вы – или Хаткинс или... Вы все врете.

Он вдруг разъярился и грохнул своим тщедушным кулаком по столу.

– Вы идиот, Рочерс! Кого вы учите жить? Их? – Он пьяно задрал острый подбородок и указал на потолок. – Они прекрасно знали земные порядки, когда отправляли нас обратно. Даже если эти твари не имели дела с землянами до встречи с нами, любое знание о Земле они получили от бортовых носителей информации на нашем корабле.

Я даже уверен, что это так и было! Они знали все! И поэтому, когда Хаткинс испустил дух в моих руках, я впрыснул себе в артерию его еще теплую кровь! А через полминуты превратился в него! Весь, до последней капли, – в него! Со всеми папиллярными линиями, раковинами ушей и структурой волос! Вы понимаете это? Вы можете это представить?

– Да, – сказал я. – Могу.

Он говорил о механизме целевой трансформации своей генной карты в карту другого человека. На Земле уже давно кричали о возможности такого процесса. Но, насколько я знал, даже и не думали приступать к исследовательским работам. Генетики последние годы носились с другим открытием – возможностью создания клонов за несколько часов «синтетическим» путем, минуя длительный процесс формирования организма-двойника из реконструированной яйцеклетки. И на трансформирование генома человека, тем более за полминуты и вне лабораторных условий, пока не замахивались.

Во всяком случае, то, о чем рассказывал Хаткинс, имело теоретические предпосылки.

– Как вы его убили и куда спрятали труп? – спросил я. Это были хорошие вопросы. В свое время я не один час просидел на допросах обвиняемых в кабинетах следователей Галактической полиции. Если Хаткинс врал, то мне, старому волку криминальной хроники, ничего не стоило поймать его на мелочах.

На тех деталях, которые так трудно даются пьяному человеку.

Но он не дал мне такого шанса. Он кивнул на фотографию Томаса Брайтера и сказал:

– Посмотрите на этого молодца и на меня. Капитаны космической разведки – универсальные специалисты. Пилоты, ремонтники, десантники, альпинисты, каскадеры, техники – кто угодно, ведь неизвестно, в условиях каких планет им придется работать. И кто такой Хаткинс?

Я просто свернул ему шею одним ударом. А труп отвез в горы и сбросил в скальную трещину. Дело было на одном не очень посещаемом горном курорте. Так что никто ничего не видел. И никто ничего не понял.

Потому что перед тем, как убить Хаткинса, Томас Брайтер объявил во всеуслышанье о своем отъезде.

– Но для чего вам все это было нужно?

– Наконец-то вы задали нормальный вопрос, – устало пробормотал он. – Но я должен поправить вас. Не мне это было нужно, а им.

Тем, кто диктовал мою жизнь. А для того чтобы ответить, я должен сначала рассказать, что со мной произошло и чем я стал заниматься после превращения в Томаса Хаткинса.

Он уперся взглядом в отодвинутую мною бутылку, потом быстро плеснул из нее себе в рюмку и выпил. Я никак не отреагировал. Пускай, подумал я. Если ему так легче – пускай. Он удовлетворенно крякнул и заговорил:

– С того момента, как я стал репортером Хаткинсом, во мне заработала другая программа. Та, ради которой, собственно, до сих пор все и делалось.

Я стал ментальным приемником и передатчиком информации. Мне вдруг стали доступны мысли других людей. Я воспринимал их так же легко, как слушал радио. Надо сказать, что эта способность не утомляла меня, потому что восприятие было избирательным и полностью подвластным моей воле. Я настраивался на ментальную волну определенного человека и слушал его столько, сколько мне было нужно. А потом отключался.

Но это было не главным. – Он поднял указательный палец и значительно посмотрел на меня. – Согласитесь, сиюминутное мышление каждого человека хаотично и непродуктивно. Вот вы, Рочерс, сейчас думаете, что я пьян, противно выгляжу и лгу. И одновременно противоречите самому себе, потому что сочувствуете мне и оцениваете реалистичность полученной от меня информации. А еще прикидываете, какая из известных нам цивилизаций, не

входящих в Галактический Союз, способна на диверсии типа той, о которой я рассказываю. Ведь правда? Прислушайтесь к себе.

– В общем, да... – вынужден был согласиться я.

– Вот! Так что разбираться в каше мыслей – себе дороже.

Но мне это и не нужно. Потому что я обладаю еще одной способностью – возможностью скачивать информацию из долгосрочной человеческой памяти.

Вот там-то она разложена по полочкам и не фонит, как испорченный усилитель.

Там, в этой памяти, – все. Что вы знаете, что вы поняли, чем вы жили, что вам интересно, кого вы любили и любите до сих пор...

– Он свел брови к переносице и пьяно-значительно улыбнулся мне. – А? Рочерс?

Я продолжал молча смотреть на него, не произнося ни звука.

– И чего вы боитесь больше всего на свете... – продолжил он и вдруг запнулся и покачнулся на стуле. – Кстати, не хотите узнать, чего вы боитесь больше всего на свете?

– Нет, – ответил я. – Надеюсь, я знаю это.

– Вы знаете совсем не то, что на самом деле имеет место быть!

– хмыкнул он, протягивая руку к бутылке. – Но как хотите!

Я наблюдал за тем, как он выпивает, с легкой тревогой. Если он собирался угощаться такими темпами и дальше, то конца истории я мог и не услышать.

– Рассказывайте скорее! – раздраженно поторопил его я. – Мы сидим уже два часа, а в вашем повествовании еще и конь не валялся.

Скажите мне, из каких людей вы скачивали информацию и какие вопросы вас интересовали?

– А вы как думаете? – ехидно спросил он. И сам же ответил. – Конечно же, вопросы передовых научных изысканий, техники и вооружений.

Соответственно, в разработку попадались люди, непосредственно работающие в этих областях.

– И значит, мой отец и Джеймс Уокер тоже?

– Да. Ведь они были сотрудниками Бюро Звездных Стратегий, и им я уделял особое внимание. И вам, и вашей девушке Шарлотте Ньюмен.

Потому что вы – сын гения, непосредственно общались с отцом и Уокером, и в ваших руках одно время находился изобретенный ими генератор пространственных преобразований.

Да, подумал я, да. Вот почему он цитировал папеньку и Уокера без ошибок.

Он знал о них и обо мне все. А когда генератор находился у меня,

Лотта была рядом. И поэтому он знает все и о ней...

– И в Центральный мегаполис вы приехали именно для того, чтобы быть поближе к Бюро? – спросил я. Вместо ответа он согласно кивнул.

– А зачем вам нужна была работа в «Галактик экспресс»?

– По многим причинам. Назову две. «Экспресс» – серьезный кладезь новейшей информации, и в нем работаете вы. Тогда пару лет назад, когда вы стали хозяином отцовского наследства и пока еще не передали генератор в Бюро Звездных Стратегий, вы представляли для меня особый интерес.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Вы собирали сведения.

И что дальше? Как вы их передавали?

– Они периодически, раз в неделю, извлекались из меня. Как – не понимаю. Ощущение такое, как будто из твоей макушки устремляется вверх исходящий воздушный поток. Природу этого потока я не берусь описать.

Знаю только, что он не проходит сквозь зеркала. За несколько минут до сеанса связи меня каждый раз охватывает навязчивое желание удалиться от всех отражающих поверхно-

стей большой площади. Именно поэтому я и выбрал местом нашей встречи «Королевство кривых зеркал».

Здесь контроль со стороны моих «хозяев» исключен. Наша встреча останется для них тайной. Вы не пострадаете.

– Спасибо, – автоматически поблагодарил я, думая о своем. – А вы не пробовали определить координаты цели этого потока? Или хотя бы вектор его движения?

– Это не в моих силах.

– То есть за все эти пятнадцать лет вы так и не узнали, кто вами управляет? И не видели их?

Он опустил голову и помотал ею из стороны в сторону. Видимо, в его состоянии это означало отрицание.

– А другие восемнадцать? Члены вашего экипажа? Их-то вы видели?

– Нет, – ответил он, не поднимая головы. – Я говорил, что могу их только чувствовать. Но прочесть мысли или определить их местоположение – эти вещи мне не по зубам. Таковы правила. – Он цыкнул зубом и развел руки в стороны. – Нельзя!

– Ну, хоть приблизительно вы можете о них что-нибудь сказать?

– Приблизительно – десятеро здесь, в мегаполисе. В Центре мира, так сказать. Куда стекаются все знания Земли и цивилизаций Галактического Союза. А четверо – в островных технополисах Малайского архипелага.

Там, как вы знаете, ведутся очень перспективные работы по пространственно-временным перемещениям. А четверых, как уже говорилось, я не чувствую. Думаю, они мертвы. Не выдержали истязаний... – Он хмыкнул. – Они оказались плохим материалом. То ли дело капитан Брайтер! Э-э-эх! – Он схватил бутылку и допил из горлышка остатки виски. Я торопливо пододвинул ему тарелку с салатом.

– А если вы встретите кого-нибудь из них – узнаете? – продолжал спрашивать я.

– Не узнаю, – ответил он, сморщившись от выпитого. – Во-первых, они, так же как и я, сменили шкуру. Заметьте, что это еще как минимум четырнадцать убийств. А во-вторых, все, что связано с ними, закрыто для моего восприятия. – Хаткинс помолчал. – Хотя, знаете...

Неожиданно он расслабил узел галстука и рванул на груди рубаху. Две верхние пуговицы выстрельнули в сторону, но он не обратил на это внимания.

А устало улыбаясь, полез за пазуху и вынул из-под рубахи тусклый металлический кругляш на довольно толстой стальной цепочке.

– Видите? Это идентификационный жетон члена экипажа корабля-разведчика № 130. На нем выгравировано мое имя. Имя Томаса Брайтера... Видите?

– Вижу...

– Жетон изготовлен из особого, суперпрочного и термостойкого сплава. Чтобы, значит, можно было опознать труп. Как бы плохо он ни выглядел... – Он значительно выпучил на меня глаза, пьяно качая головой. – Этот значок был всегда со мной. И я не расстался с ним даже после трансформации в Хаткинса. Почему – не могу объяснить. Возможно, память о настоящем братстве не стирается ничем...

Одним словом, остальные члены моего экипажа могли поступить так же – сохранить жетоны. Но я в этом не уверен. Вы поняли меня?

Он убрал значок под рубаху, затянул узел галстука, и металлическая цепочка, охватывавшая его шею, исчезла под воротом.

– Слабая надежда, – подумав, констатировал я. – Не все с годами сохраняют преданность прежним идеалам, даже не подвергаясь ментальной обработке. Ваши коллеги вполне могли спустить свои жетоны в унитаз. Еще до выхода в отставку.

Хаткинс шутовски выпятил нижнюю губу и развел руками:

– Чем могу!

– Ну ладно. – Я задумался, переваривая услышанное. А Хаткинс вдруг обмяк на стуле и прикрыл глаза. Его очки сползли на нос, узкие губы приоткрылись, обнажив полоску желтых острых зубов.

Скулы обострились. Дышал он хрипло и неровно. И был похож на тощего умирающего хомяка.

– Дьявол вас заberi, Томас, – со смешанным чувством жалости и брезгливости сказал я. – Что мне теперь с вами делать?

Что мне было делать – после того, как он рассказал *такое*? Сдавать его Службе безопасности Бюро Звездных Стратегий?

Но не в таком же виде... И не для того, наверно, он обратился ко мне, чтобы я оставил его, жалкого и беспомощного, в тот момент, когда он просил меня о помощи и милосердии!

Но ведь это не человек, вдруг пришла мне в голову четкая мысль. И я удивился ей, потому что полагал, что так еще и не решил насчет правдивости истории Хаткинса. А оказалось, решение принято...

Но если так, то он – винтик в механизме инопланетной диверсии, я просто обязан нейтрализовать его!

Я снова всмотрелся в его лицо и прислушался к себе, припоминая нашу беседу. «Эти твари искалечили мою жизнь, отняли тело и сократили мой срок донельзя...»

Жалость, одна только жалость была во мне.

– Хаткинс, – тронул я его за плечо. – Не спите, Томас. Вы забыли? Вам еще надо кое-что мне рассказать. Вы пришли сюда не спать. Очнитесь!

Он со стоном разомкнул веки, и сквозь сонную пелену в его глазах проступила такая безысходная тоска, что у меня сжалось сердце.

– Спасибо, Дэниел, – прохрипел он. – Спасибо...

Я не ошибся... У вас доброе сердце... Все, что я узнал о вас, было правильным. – Он беспомощно поерзал на стуле и кое-как уселся прямо. – Я должен умереть, Дэни, – очень тихо произнес он. – Я знаю точно. Эта старуха с голым черепом вместо головы и косой в руках дышит мне в затылок. И я читаю ее мысли так же хорошо, как мысли любого человека. А значит, она реальна. – Он провел рукой по лицу и посмотрел на меня. – Они не учли, Дэниел, что мое существо – мое истинное существо! – разорвет их цепи и выйдет перед смертью на волю... У меня есть сын, – вдруг выдал он. И сделал это так просто, как будто говорил о чем-то само собой разумеющемся. – Его зовут Кларк. Кларк Брайтер. Ему скоро исполнится четырнадцать лет. Уже взрослый мальчик...

Он был теперь, кажется, совершенно трезв. Но выглядел – хуже некуда. Как будто опорожненная им бутылка была наполнена не виски, а раствором с болезнетворными микробами.

– Как он появился на свет – отдельная история, и ее рассказывать у меня нет ни времени, ни сил. Я встретил его мать тогда, когда только-только начал выполнять программу этих тварей и слонялся по свету. Пока еще в облике капитана в отставке Томаса Брайтера. Может быть, во мне оставалось пока что-то человеческое, и поэтому я оказался способен полюбить... Мы прожили вместе всего один месяц, я уехал. И в течение двух лет возвращался к ней. Всегда возвращался... А она всегда ждала. Сначала одна, потом – вместе с нашим сыном... А потом ее сбил автобус... Такая глупая смерть.

Если бы вы знали, какая это была нелепая смерть!

Он больным и почти безумным взором обвел зал, в стенах и потолке которого отражались искаженные лица посетителей и уродливые фигуры официантов.

– Кривые рожи. Господи, везде одни кривые рожи! Иногда мне кажется, что я не один такой – каждый встречный-поперечный выполняет ту же программу, что и я. Но это, конечно, не так. Я знаю, что нас, несчастных окривевших, только пятнадцать человек.

– Томас... – произнес я, не зная, чем могу помочь.

Он повернулся ко мне:

– Это *они* убили ее. Она мешала выполнению программы.

И сбил ее кто-то из моих бывших коллег, из тех пятнадцати – изуродованных около нейтронной звезды. Или тех четверых, которых я не чувствую. Если они все-таки остались в живых...

Он постоянно сбивался с мысли. Казалось, он пытался подвести разговор к чему-то важному и никак не мог. Слишком многое нужно было объяснить и рассказать. И слишком он был пьян. Или плох.

– Вы говорили о сыне, Томас... – напомнил я.

– Да! – Он широко раскрыл глаза. – Да! Спасибо, Дэн.

Ради него я и выворачиваюсь наизнанку весь вечер... – Он заговорил сбивчиво, но быстро. – Он думает, что мистер Хаткинс – его дядя, а отец погиб в Космосе... Я очень редко видел его, Дэниел.

Как вы понимаете, у меня были более важные дела. Дела тварей... Но сейчас... Если я и тревожусь о чем-нибудь, то только о его судьбе.

Прошу вас... Когда я умру, присмотрите за ним... Это несложно. Последние двенадцать лет он воспитывается в частном пансионе «Утренняя звезда».

Хорошее место... И почти рядом. В ста километрах от мегаполиса.

– Что я конкретно должен сделать?

– Ничего, кроме своей работы. Напишите обо всем, что я вам рассказал.

Обо мне и о Кларке. Этого достаточно. Силы безопасности Земной Системы включают свою машину и защитят Землю. А в судьбе Кларка примут участие общественные силы. Он не будет вышвырнут из пансиона на улицу и не останется один на один с этими... С кривыми рожами.

– Кого вы имеете в виду?

– Я не знаю, каков уровень контроля над моей жизнью. Они убили Элизабет. Что им помешало расправиться с сыном? А если они хотят использовать его так же, как и меня? Тогда они подошлют к нему кого-нибудь из четырнадцати и сотворят из него монстра. По типу папаша Брайтера... Понимаете, чего я боюсь? И почему я обратился к вам?

Он говорил все быстрее. И все тяжелее дышал. Лицо его стало землисто-серым.

– Слушайте, Хаткинс, вам совсем плохо. Может быть, выйдем на улицу?

– Нет, – отмахнулся он. – Ничего страшного.

Спиртное на меня всегда действует плохо. Сейчас отдышусь.

– Тогда скажите, почему вы не обратились в правительственные структуры?

– Общение с агентами спецслужб заказано для меня. Блокировка страхом. Одна из особенностей заложенной в меня программы. Страх держит меня даже сейчас. Если бы я начал беседу с агентом, вот так, как с вами, то просто-напросто потерял бы сознание. Или сдох бы. Как... как собака...

Он вдруг побледнел, навалился грудью на стол и захрипел.

Руки его судорожно скомкали скатерть. Очки упали в тарелку с недоеденным салатом. Глаза вылезли из орбит.

– Хаткинс! – Я выскочил из-за стола и кинулся к нему. Но он уже не видел меня. А яростно рыча, слепо шарил глазами по столу и тянул на себя скатерть. Я неуверенно дотронулся до него и почувствовал, как его тело сотрясают волны мелкой дрожи. Я ринулся к ближайшему официанту за помощью:

– Эй, кто-нибудь!

Я успел сделать всего несколько шагов. А потом могучая волна неведомой упругой силы ударила меня в спину, подхватила и подняла в воздух. И только в полете я услышал грохот взрыва.

Взрывная волна пронесла меня пару метров и впечатала в зеркальную стену по касательной. Этого оказалось достаточно, чтобы вышибить из меня дух. Ровно секунду после этого я видел себя как бы со стороны.

Я лежал на полу, а на меня дождем сыпались осколки зеркал и мелкие ошметки окровавленной плоти.

А потом все пропало в абсолютной темноте.

Глава 2 ТАЙНА «УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ»

Я мчался в автомобиле по загородному шоссе к пансиону «Утренняя звезда» и старался унять одолевавшую меня злобу. Злился я на весь белый свет. Но прежде всего – на Хаткинса, втянувшего меня в дерьмовую историю, главным фигурантом которой оказался именно я.

Хаткинс взорвался. Разлетелся на мелкие кусочки. Как будто вместе с салатом проглотил кусок пластиковой взрывчатки. Хорошо, что наш стол стоял в углу ресторанный зала, два соседних столика были пусты, и поэтому никто из посетителей не пострадал. Никто, если не считать сердобольного исповедника заблудших коллег дурака Дэнни Рочерса. Меня шарахнуло об зеркало так, что голова болела до сих пор, и ныли все кости. Только по счастливой случайности меня не порезали осколки зеркал, и теперь я мог наблюдать свою осунувшуюся, но целехонькую физиономию в зеркало заднего вида.

Я разгонял свой автомобиль все сильнее, шоссе, ведущее к пансиону, было пустынным, так как не являлось деловым транспортным каналом города.

Оно ответвлялось от основной магистрали на пятидесятом километре от мегаполиса и ровной стрелой вонзалось в живописное смешенье лесов, рек и скальных нагромождений на горизонте. Там, в этой полудикой и легкомысленной стране эльфов и фей, находилось несколько комплексов оздоровительной релаксации и детские пансионы.

В частности, пансион «Утренняя звезда». Я ехал туда.

Я ехал туда, чтобы обрести понимание того, что произошло. Почему взорвался Хаткинс? Что с ним случилось? Это убийство или несчастный случай? Связано ли это как-нибудь с тем, что он мне рассказал? И правда ли все-таки то, о чем рассказывал Хаткинс весь вечер?

Все эти вопросы я хотел бы оставить на рассмотрение, так сказать, «компетентных органов». Потому что после того, как меня шарахнуло об кривое зеркало, мозги у меня тоже окривели. Они совершенно не работали, и всякое желание заниматься делом Хаткинса пропало. Но пикантность ситуации заключалась в том, что компетентные органы не хотели получать от меня никаких вопросов. Потому что имели свои. Множество. И все они адресовались журналисту Рочерсу.

– Что вы подмешали Хаткинсу в еду?! – орал мне вчера в лицо крепкомордый опер. Я сидел в отделении Криминальной полиции мегаполиса, куда меня доставили из ресторана, и морщился от боли в затылке. А он орал как резаный и своим криком раскалывал не только мой затылок, но всю голову – на несколько автономно гудящих больных кусков. За его спиной в низком старте стояли еще двое. Готовые в любую секунду сменить своего дружка, если он вдруг охрипнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.